

Глава 2. Второй поток

Мин И велел ему сесть прямо. Бросив ещё несколько колких усмешек, старейшина начал урок прямо здесь, в беседке, терпеливо разъясняя сначала Сутру Чистого Сердца, а следом — Шаг по Облакам.

Цзян Сяочжоу затаил дыхание, боясь упустить хоть слово.

Вдруг вдали показался силуэт Цзян Чангэ. Всего три шага — фигура его смазалась, потянулся шлейф остаточных образов. Плотная аура окутала его тело, под ногами вспыхнули радужные искры, и в то же мгновение он очутился рядом с сыном.

Его техника перемещения была яростной и сокрушительной, словно удар, раскалывающий горные хребты. Столь грозное величие никак не вязалось с утончённым, книжным обликом мужчины. Будучи главой секты Меча Лянъи, Цзян Чангэ достиг поздней стадии Зарождения Души — уровня, который прочие заклинатели благоговейно именовали «великим владыкой». Для Цзян Сяочжоу отец казался недостижимой вершиной, однако Мин И лишь фыркал, утверждая, что тот едва перешагнул порог истинного бессмертия.

«Если мой отец всего лишь топчется у порога, то я, выходит, пока просто ползаю в грязи»

Заметив отца, Сяочжоу приободрился: наконец-то можно передохнуть. Он уже собирался броситься к нему, но вовремя заметил, что тот ведёт за руку ребёнка.

На вид пришельцу было столько же лет, сколько и самому Сяочжоу. Спутанные, похожие на сухую солому волосы торчали во все стороны, из прорех обтрёпанного тряпья виднелись истощённые, сухие конечности, а шлейфом за ним тянулся странный, ни на что не похожий запах.

— Отец... — тихо спросил он, косясь на незнакомца. — А кто это?

Цзян Чангэ приобнял сына и мягко улыбнулся:

— Его зовут Чжоу Ци. С сегодняшнего дня он станет твоим младшим братом-учеником. Будете тренироваться вместе, согласен?

Цзян Сяочжоу выпрямился. Сердце его пропустило удар.

— Конечно, — кивнул он и, по-детски сощурившись, полюбопытствовал: — Папа, а откуда он взялся?

Цзян Чангэ никогда ничего не скрывал от сына. Тот рос в абсолютной любви и заботе —

достаточно вспомнить Беседку Созерцания Луны, которую любящий отец велел возвести на самом краю отвесной Террасы Обсуждения Меча. Каждое утро, пока Сяочжоу ещё сладко спал в своей постели, слуги приносили туда свежие фрукты, изысканные сладости и только что заваренный чай.

— Недавно я наведался в соседнее Королевство Солнца и Луны и столкнулся с ним совершенно случайно, — рассмеялся Цзян Чангэ. — У этого мальчика прирождённые Кости Меча! Чистая духовная искра, железный характер — из него выйдет великий мечник! Такое сокровище редко встретишь!

Как глава секты Меча Лянъи и создатель Сутры Чистого Сердца, Цзян Чангэ боготворил мечи и всегда благоволил одарённым юношам. Не будь он связан клятвой передать своё главное наследие родному сыну, он без колебаний обучил бы этого приёмышу всему, что знал сам.

Но в мыслях Цзян Сяочжоу крутилось совсем другое.

«Фамилия Чжоу, родом из Королевства Солнца и Луны... Ну конечно. Это же главный герой»

С тех пор как он прочитал тот злосчастный роман, пролетело пять лет. Чтобы хоть как-то обезопасить свою жизнь, Сяочжоу не раз пытался воскресить в памяти детали сюжета, но со временем понял: реальность сильно отличалась от написанного на бумаге. В книге секте Меча Лянъи уделялось от силы десятков глав, для него же она стала домом, где он прожил целых пять лет. Живым, настоящим миром с кучей бытовых мелочей. В романе никто не упоминал, что сыну великого старейшины приходится вставать в три часа утра и карабкаться на крутую кручу ради тренировок.

Цзян Чангэ, бывший в оригинальной истории лишь блеклым картонным персонажем, здесь превратился в самого дорогого человека — любящего и заботливого отца.

А наставник Мин И, изо дня в день воспитывавший его, в книге вообще не упоминался.

И вот теперь перед ним стоял главный герой. Означает ли это, что шестерни сюжета наконец пришли в движение?

Сяочжоу слишком долго и пристально разглядывал оборванца, отчего тот смутился и робко попятился назад.

Мальчик никогда в жизни не видел столь прекрасного человека. Лицо Сяочжоу вызвало у него ассоциацию с луной — чистым, недостижимым серебряным диском, струящим мягкий холодный свет.

Цзян Чангэ громогласно расхохотался:

— Ха-ха-ха! Сяочжоу, ты его совсем засмутил! Помни: с этого дня он твой младший брат. Заботься о нём как следует.

— Тогда я покажу ему, где он будет жить! А тренировки на сегодня отменим, ладно? — Цзян Сяочжоу ухватился за соломинку. Какая разница, что будет завтра, если сегодня можно побездельничать?

Но Цзян Чангэ покачал головой:

— Когда я поднимался сюда, слышал, как старейшина Мин И собирался обучать тебя Сутре. Твоё расписание полностью в его ведении. Как он скажет, так и будет.

«Да под началом этого изверга я к вечеру копыта отброшу!»

Цзян Сяочжоу едва не расплакался:

— Но я же так старался в последнее время! Хочу просто показать младшему брату наш дом...

Сердце сурового главы секты тут же растаяло. Он неловко охнул и с мольбой во взгляде покосился на облачённого в зелёные одежды старейшину.

Мин И соорудил на удивление благосклонную, хотя и насквозь пропитанную сарказмом гримасу:

— Отчего же, пускай идёт.

Сяочжоу мысленно возликовал. Градус его симпатии к Чжоу Ци, невольно подарившему ему выходной, мгновенно взлетел до небес.

Однако Мин И не был бы собой, если бы не добавил ложку дёгтя. Растягивая слова, он вкрадчиво продолжил:

— Ныне на континенте Цяньюань неспокойно. Великие кланы и бродячие практики рвут друг другу глотки за каждую кроху ресурсов, не щадя жизни ради крупницы силы. Но находятся и те, кто, владея несметными богатствами, бьёт баклуши и к пяти годам не сподобился даже заложить Основание. Будь я на твоём месте, парень, я бы со стыда бросился с этого утёса, лишь бы не позорить имя отца... Ступай, поиграй. Развлекайся.

Лицо Цзян Сяочжоу то бледнело, то заливалось краской стыда. Он так и застыл, не смея пошевелиться, в объятиях отца.

Цзян Чангэ нахмурился, выражая явное недовольство словами собеседника:

— Не сгущай краски, брат Мин И... Мальчик ещё совсем дитя, в его годы играть — дело естественное.

Мин И лишь загадочно улыбнулся, не проронив более ни слова.

В этот напряжённый момент Чжоу Ци неожиданно сделал шаг вперёд. Он робко ухватился за край рукава Сяочжоу и тихо позвал:

— Старший брат...

Глядя на эту застенчивую, слегка заискивающую улыбку, Цзян Сяочжоу наконец вспомнил характер главного героя романа «Святой Меча». Тот был классическим «двуличным» персонажем — дружелюбным снаружи, но ледяным и расчётливым внутри.

Он умел нравиться людям, очаровывал с первого взгляда, но в его душе не было места настоящей привязанности.

В будущем он обзаведётся легионами преданных слуг, толпами сохнувших по нему красавиц, благородными соперниками и заклятыми врагами. Но до самого конца он не доверится ни одной живой душе.

Когда-то, будучи простым читателем, он обожал этот типаж. Но сейчас, когда будущий владыка стоял прямо перед ним и так мило улыбался, в памяти Сяочжоу всплыли лица сотен несчастных статистов, которых этот ангелочек хладнокровно пустил в расход ради своих целей. По спине поползли ледяные мурашки.

— Знаешь, папа, лучше ты сам покажи ему тут всё, — Сяочжоу опасливо покосился на Мин И.
— А я... пожалуй, пойду тренироваться.

Отец ласково потрепал его по макушке:

— Вот и славно. Если что-нибудь понадобится — только скажи.

Он увёл мальчика за собой. Чжоу Ци то и дело оборачивался, бросая на названного брата преданные взгляды, словно привязался к нему с первой секунды.

Но о том, какие демоны выстраивали планы в его маленькой голове, не догадывался никто.

Как только шаги Цзян Чангэ и его нового подопечного стихли, старейшина Мин И небрежно

швырнул Сяочжоу нефритовую пластинку.

— Здесь записана Сутра Чистого Сердца. Прежде чем браться за меч или изучать Шаг по Облакам, ты обязан постичь основы. Без внутреннего стержня любая техника — лишь пустая пляска, балаганное фиглярство.

Озадаченный Сяочжоу поймал артефакт и направил в него своё духовное восприятие.

В его сознании вспыхнули строки древнего учения:

«Лотосовый престол таит в себе три начала, коими вершится судьба. Начала эти зовутся Небесным, Земным и Человеческим. Высший удел требует непоколебимого сосредоточения, дабы взрастить лотос в бушующем пламени, претворить яд в мудрость и удержать равновесие на острие иглы. Подобно змее, скользнувшей в полый бамбук: нет иного пути, кроме как смирить гордыню...»

Мальчик поднял взгляд, полный искренней тоски:

— Я ничего не понимаю.

— Какое именно слово тебе незнакомо? — прищурился наставник.

— Да слова-то все знакомые, а вот смысл от меня ускользает. — Сяочжоу искренне считал, что Мин И чересчур требователен к пятилетнему ребёнку.

В руке Мин И соткался длинный тонкий хлыст. Раздался резкий свист, и кончик плети чувствительно прижёл плечо Сяочжоу.

— Соберись и читай снова!

Это грозное оружие звалось Плетью Десяти Смертей — личный артефакт старейшины, снискавший своё имя за то, что унёс жизни десяти могущественных врагов. Использовать сокровище высшего ранга в качестве розги для нерадивого ученика было верхом расточительства, но спорить с Мин И никто бы не решился.

Цзян Сяочжоу судорожно вздохнул. Не смея больше перечить, он спешно задействовал очищающую разум мантру. Как только мысленный хаос отступил и сознание прояснилось, строки Сутры вновь предстали перед внутренним взором, и в этот раз сквозь туман непонимания пробились первые робкие искры знания.

Всё сущее в поднебесном мире подчинено единому закону... Вода и пламень не терпят друг друга, стремясь к взаимному уничтожению...

В районе дантяня разлилось мягкое тепло. Там, где со временем должен был распуститься духовный лотос, робко проклюнулось крошечное светящееся семечко. На востоке едва брезжил рассвет. Терраса Обсуждения Меча тонула в призрачной молочной дымке, а подножие горы всё ещё было объято непроглядной ночной тьмой. По лицу мальчика покатались крупные капли пота.

Мин И заговорил — тихо, напевно, направляя его разум:

— Инь и Ян образуют плоть Пути. Двойное дыхание суть его проявление. Потоки двух начал встречаются в чертогах духа...

Голос наставника, проникая в самое сердце, наполнил изнемогающего Сяочжоу первозданной силой. Семечко в его дантяне вспыхнуло ослепительным сиянием, обжигая внутренности приятным жаром. Внешний мир перестал существовать — все чувства мальчика сосредоточились на рождении духовного зародыша. Сутра Чистого Сердца хлынула в его сознание хрустальным потоком, вздымая в море разума бурные волны, которые в такт отзывались биению новорождённой искры.

В этот миг из-за горных пиков вырвалось солнце. Тысячи золотых лучей окрасили вековые леса, и первозданная духовная энергия хлынула к мальчику бурным приливом. Цзян Сяочжоу замер, устремив взор внутрь себя, обратив дыхание в абсолютный покой.

Спустя вечность он открыл глаза и, сияя от восторга, воскликнул:

— Старейшина Мин И! У меня получилось! Я заложил Основание!

Мин И даже бровью не повёл:

— Хм.

Пусть Сяочжоу и не обладал глубокими познаниями о мире, он не раз слышал от старших учеников секты, что обычным людям требуются долгие годы упорного труда, чтобы достичь этой ступени. Лишь один из десяти тысяч смертных оказывался способен сделать первый шаг по пути бессмертия.

«Получается, я теперь тоже один из этих избранных»

Наставник без труда прочитал его мысли и безжалостно обрушил воздушные замки на землю:

— Твой отец кормил тебя пилюлями Основания так, словно это дешёвые леденцы. Не сумей ты прорваться после этого, тебе действительно стоило бы спрыгнуть отсюда вниз, дабы не тратить понапрасну драгоценные снадобья.

— Вот оно как... — Сяочжоу уныло помрачнел. Что ж, чудес не бывает, он всё ещё обычный посредственный бездельник.

«Не будь я сыном главы секты, жизнь наверняка была бы куда проще. В конце концов, у меня нет ни врождённых Костей Меча, ни редкого золотого корня. Как бы я ни лез из кожи вон, мне никогда не оправдать ожиданий отца и Мин И»

От этих мыслей на душе сделалось горько и обидно. Впрочем, понимая, что его совокупный возраст за две жизни перевалил за третий десяток, Сяочжоу удержал слёзы. Вместо этого он просто повалился на спину и уставился в бесконечную небесную синеву.

Там лениво плыли пушистые облака, а высоко в вышине кружили свободные птицы.

Где-то далеко, в восточной Старой области, раскинулись Двенадцать Городов Белой Яшмы, чей фундамент стоял незыблемо уже тридцать тысяч лет, взрастив поколения великих гениев. На севере, в Новой области, высилась Башня Пяти Стихий и Семи Звёзд, знаменитая на всю поднебесную своими редкими зверями, алхимическими снадобьями и сложнейшими барьерами. На юге, в Области Девяти Вод, скрывалась загадочная Академия Четырёх Сторон и Летающих Перьев, чьи ученики исчислялись миллионами. А ведь за пределами континента Цяньюань существовал ещё и таинственный Мир Демонов... Огромный, необозримый мир, в котором сам он казался лишь крошечной песчинкой, затерянной в бескрайней пустыне.

В поле его зрения появилось лицо наставника. Мин И склонился над лежащим мальчиком и поинтересовался:

— О чём задумался?

— О том, что мир, конечно, велик и прекрасен... но тёплая постель в моей комнате всё равно лучше.

Мин И едва заметно улыбнулся. Его тёмные волосы и полы зелёных одежд мягко колыхались на ветру, делая его облик нереально, пугающе красивым.

— Что приносит истинное наслаждение в этой жизни, ты поймёшь гораздо позже, — негромко произнёс он. — И если к тому времени я всё ещё буду оставаться в секте Меча Лянъи... я тебя научу.